

К. МАРКС

**Критика
Готской программы**

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА²

Публикуемая здесь рукопись — критика проекта программы вместе с сопроводительным письмом к Бракке — была в 1875 г., незадолго до объединительного съезда в Готе отправлена Бракке с просьбой показать ее Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту и вернуть затем обратно Марксу. Так как партийный съезд в Галле⁴ поставил в порядок дня партии дискуссию по поводу Готской программы, то я полагаю, что с моей стороны было бы преступлением, если бы я и дальше продолжал откладывать опубликование этого важного документа, пожалуй, самого важного из всех, относящихся к данной дискуссии.

Но рукопись эта имеет еще и другое, более широкое значение. В ней впервые ясно и четко выражено отношение Маркса к той линии, которой придерживался Лассаль с того момента, как он начал участвовать в агитации, и притом как к экономическим принципам Лассаля, так и к его тактике.

Беспощадная резкость, с какой Маркс анализирует здесь проект программы, неумолимость, с какой он высказывает сделанные им выводы, вскрывая недостатки проекта,— все это теперь, спустя пятнадцать лет, никого уже не может задеть. Специфические лассальянцы существуют еще только за Границей в виде отдельных обломков, а от Готской программы, как совершенно неудовлетворительной, отказались в Галле даже ее творцы.

Тем не менее там, где это было возможно без ущерба для дела, я опустил некоторые резкие выражения и оценки, относящиеся к отдельным лицам, заменив их точками. Маркс сам поступил бы так же, если бы публиковал теперь эту рукопись. Ее местами резкий тон был вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, Маркс и я срослись с германским движением теснее, чем с каким-либо другим, так что решительный шаг назад, обнаружившийся в этом проекте программы, должен был возмутить нас особенно сильно. Во-вторых, мы находились тогда — после Гаагского конгресса Интернационала⁵ едва прошло два года — в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами, которые возлагали на нас ответственность за все, что происходило в германском рабочем движении, так что мы должны были ожидать, что нам припишут и тайное отцовство в отношении этой программы. Эти соображения теперь отпадают, а вместе с ними отпадает и необходимость тех мест, о которых идет речь.

Некоторые фразы заменены точками также и по цензурным соображениям. Там, где мне приходилось выбирать более мягкое выражение, я заключал его в прямые скобки. В остальном рукопись перепечатана дословно.

Лондон, 6 января 1891 г.

Фр. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 22, стр. 95—96

К. МАРКС

ПИСЬМО В. БРАККЕ

Лондон, 5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Нижеследующие критические замечания к объединительной программе будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден переступить уже далеко за рамки рабочего времени, разрешенного мне врачами. Поэтому мне отнюдь не доставило особого “удовольствия” исписать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначается это сообщение, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять.— Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я публикуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространено заботливо поддерживаемое врагами партии мнение — мнение совершенно ложное, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. Еще в своей недавно появившейся на русском языке книге Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. упомянутой партии, но даже и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с Народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь посредством дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было — а обстоятельства этого не допускали — пойти *дальше* эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вехи, по которым люди судят об уровне партийного движения.

Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и, со своей стороны, признают эти мандаты обязательными, т. е. сдают на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи. К довершению всего они созывают съезд еще *до согласительного съезда*, между тем как собственная партия созывает свой съезд только *post festum*¹⁾ Здесь явно стремились сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой.

Впрочем программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры.

В ближайшее время я пришлю Вам последние выпуски французского издания “Капитала”. Печатание было на долгое время задержано запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей книга будет готова. Получили ли Вы 6 первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, также *адрес* Бернхарда Беккера, которому я тоже должен послать последние выпуски⁶.

У *книгоиздательства “Volksstaat”* своеобразные нравы. Так, например, мне до сих пор даже не прислали ни одного экземпляра нового издания “Кёльнского процесса коммунистов”⁷.

С сердечным приветом

Ваш *Карл Маркс*

К. МАРКС

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОГРАММЕ ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

I

1. “Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а *так как* приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества”.

Первая часть параграфа: “Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры”.

Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Приведенную выше фразу вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней *подразумевается*, что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но в социалистической программе не должны допускаться подобные буржуазные фразы, обходящие молчанием те *условия*, которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с ней как с принадлежащей ему вещью, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а следовательно, и богатства. У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

Но оставим уж эту фразу, как она есть, каковы бы ни были ее недостатки. Какого же заключения надо бы ожидать? Очевидно, следующего:

“Так как труд есть источник всякого богатства, то ни один член общества не может и присваивать себе богатство иначе, как присваивая продукт труда. Если же он сам не работает, то он живет чужим трудом, и свою культуру он также приобретает за счет чужого труда”.

Вместо этого при помощи словечек “*а так как*” к первому предложению пристегивается второе, чтобы вывод сделать из этого второго предложения, а не из первого.

Вторая часть параграфа: “Приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества”.

Согласно первому положению, труд являлся источником всякого богатства и всякой культуры, а следовательно, никакое общество не возможно без труда. Теперь же мы узнаем, наоборот, что никакой “приносящий пользу” труд не возможен без общества.

С таким же успехом можно было бы сказать, что только в обществе бесполезный или даже вредный для общества труд может стать отраслью промышленности, что только в обществе можно жить праздно и т. д. и т. д., — короче, переписать всего Руссо.

А что такое “приносящий пользу” труд? Ведь это всего лишь такой труд, который достигает намеченного полезного результата. Дикарь (а человек — дикарь, после того как он перестал быть обезьяной), который убивает камнем зверя, собирает плоды и т. д., совершает “приносящий пользу” труд.

В-третьих. Заключение: “А так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества”.

Вот так заключение! Если приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит обществу, а на долю отдельного рабочего придется из этого дохода лишь то, что не требуется на содержание “условия” труда — общества.

И в самом деле, во все времена *защитники каждого данного общественного строя* выдвигали это положение. Прежде всего выступают притязания правительства и всего того, что к нему липнет, — ведь правительство является, мол, общественным органом для сохранения общественного порядка; затем следуют притязания различных видов частной собственности, так как различные виды частной собственности составляют, мол, основы общества, и так далее. Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и поворачивать как угодно.

Сколько-нибудь разумную связь первая и вторая части параграфа могут иметь лишь в следующей редакции:

“Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд”, или, что то же самое, “в обществе и при посредстве общества”.

Это положение бесспорно правильно, так как если обособленный труд (предполагается, что его вещественные условия имеются налицо) и может создавать потребительные стоимости, то ни богатства, ни культуры он создать не может.

Но столь же бесспорно и другое положение:

“По мере того как происходит общественное развитие труда и таким образом труд становится источником богатства и культуры,— развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего”.

Это — закон всей истории до настоящего времени. Следовательно, вместо общих фраз о “труде” и “обществе” нужно было ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными сокрушить это общественное проклятие и заставляют их это сделать.

На самом же деле весь этот параграф, неудачный по форме, ошибочный по содержанию, вставлен здесь лишь для того, чтобы лассалевскую формулу о “неурезанном трудовом доходе” написать в качестве первого лозунга на партийном знамени. Я еще вернусь к “трудовому доходу”, к “равному праву” и пр., так как то же самое повторяется в несколько иной форме и дальше.

2. “В современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов. Обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах”.

Это заимствованное из устава Интернационала положение в данной “исправленной” редакции ложно.

В современном обществе средства труда составляют монополию земельных собственников (монополия земельной собственности является даже основой монополии капитала) и капиталистов. В соответствующем пункте устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов. Он говорит о “монополии на средства труда, т. е. на источники жизни”. Добавление “источники жизни” достаточно показывает, что в средства труда включена также и земля.

Исправление было сделано потому, что Лассаль по мотивам, в настоящее время всем известным, напал *только* на класс капиталистов, но не на земельных собственников. В Англии капиталист по большей части не является собственником даже той земли, на которой стоит его фабрика.

3. “Освобождение труда требует возведения средств труда в достояние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода”.

“Возведение средств труда в достояние всего общества” (!) обозначает, по-видимому, их “превращение в достояние всего общества”. Но это лишь мимоходом.

Что такое “*трудовой доход*”? Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

“Трудовой доход” — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое “справедливое” распределение?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение “справедливо”? И разве оно не является в самом деле единственно “справедливым” распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о “справедливом” распределении?

Чтобы знать, что в данном случае подразумевают под словами “справедливое” распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором “средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно”, а в первом параграфе мы видим, что “доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества”.

“Всем членам общества”? Даже и неработающим? Где же тогда “неурезанный трудовой доход”? Только работающим членам общества? Где же тогда “равное право” всех членов общества?

Но “все члены общества” и “равное право” — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский “неурезанный трудовой доход”.

Если выражение “трудовой доход” мы возьмем (сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется *совокупным общественным продуктом*.

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых, то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

В-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.

Эти вычеты из “неурезанного трудового дохода” — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.

Лишь теперь мы подходим к тому “распределению”, которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

“Неурезанный трудовой доход” незаметно превратился уже в “урезанный”, хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества.

Подобно тому как исчезла фраза о “неурезанном трудовом доходе”, так исчезает теперь и фраза о “трудовом доходе” вообще.

В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обенивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как *стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение “трудовой доход”, неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь в *среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду;

равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительском фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется

богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

Я остановился более обстоятельно на “неурезанном трудовом доходе”, с одной стороны, и на “равном праве” и “справедливом распределении” — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пустившее в ней корни, идеологическим правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.

Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение.

Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?

4. “Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*”.

Первая строфа взята из вступительных слов устава Интернационала, по подверглась “исправлению”. Там сказано:

“Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих”, здесь же, напротив, “рабочий класс” должен освободить — что? — “труд”. Пойми, кто может.

Зато, как бы в виде возмещения, следует антистрофа — лассалевская цитата чистейшей воды: “по отношению к которому (рабочему классу) все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*”.

В “Коммунистическом манифесте” сказано: “Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой *действительно революционный класс*. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт”⁸.

Буржуазия, как носительница крупной промышленности, рассматривается здесь как революционный класс по отношению к феодалам и средним сословиям, стремящимся удержать за собой все те

социальные позиции, которые созданы устарелыми способами производства. Следовательно, они не образуют *вместе с буржуазией* лишь одну реакционную массу.

С другой стороны, пролетариат революционен по отношению к буржуазии, потому что он, выросши сам на почве крупной промышленности, стремится лишить производство того капиталистического характера, который старается увековечить буржуазия. Но “Манифест” при этом добавляет, что “средние сословия” становятся революционными “постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата”.

С этой точки зрения, следовательно, опять-таки бессмыслица, будто по отношению к рабочему классу они “вместе с буржуазией” и вдобавок еще с феодалами “составляют лишь одну реакционную массу”.

Разве на последних выборах заявляли ремесленникам, мелким промышленникам и т. п., а также *крестьянам*: “по отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете лишь одну реакционную массу”?

Лассаль знал “Коммунистический манифест” наизусть так же, как его правоверные последователи знают составленные им священные писания. И если он так грубо исказил “Манифест”, то сделал это лишь для того, чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии.

Кроме того, к вышеуказанному параграфу премудрое лассалевское изречение вообще притянута за волосы, без всякой связи с этой нелепо “исправленной” цитатой из устава Интернационала. Здесь перед нами просто наглая выходка, и уж, конечно, отнюдь не неприятная г-ну Бисмарку, одна из тех дешевых дерзостей, которыми промышляет берлинский Марат ⁹.

5. “Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего в *рамках современного национального государства*, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов”.

В противоположность “Коммунистическому манифесту” и всему предшествующему социализму, Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения. Ему в этом подражают,— и это после деятельности Интернационала!

Само собой разумеется, что рабочий класс, для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организовать *как класс* и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в “Коммунистическом манифесте”, “по форме” является национальной. Однако “рамки современного национального государства”—к примеру, Германской империи—сами в свою очередь находятся экономически “в рамках мирового рынка”, политически — “в рамках системы государств”. Любому купцу известно, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие г-на Бисмарка состоит как раз в проведении известного рода *международной* политики.

К чему же сводит германская рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет “*международное братство народов*”. Эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги мира и свободы, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. И так, о *международных функциях* германского рабочего класса—ни слова! И это все, что ему предлагают противопоставить своей собственной буржуазии, братски объединившейся уже против него с буржуазией всех других стран, и международной заговорщической политике г-на Бисмарка!

Поистине, интернационализм программы стоит *еще бесконечно ниже*, чем интернационализм партии свободной торговли. И та тоже утверждает, что результатом ее стремлений будет “международное братство народов”. Но она и *делает* кое-что для того, чтобы сделать торговлю международной, и отнюдь не удовлетворяется сознанием того, что все народы у себя дома занимаются торговлей.

Международная деятельность рабочего класса разных стран не находится никоим образом в зависимости от существования “*Международного Товарищества Рабочих*”. Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган, попыткой, которая благодаря данному ей толчку оставила неизгладимые результаты, но которую в *ее первой исторической форме* после падения Парижской Коммуны нельзя было дальше проводить.

Бисмарковская “*Norddeutsche*” имела полное право возвестить к удовольствию своего хозяина, что германская рабочая партия в новой своей программе отреклась от интернационализма¹⁰.

II

“Исходя из этих принципов, германская рабочая партия добивается всеми законными средствами *свободного государства* — и — социалистического общества: упразднения системы заработной платы *вместе с ее железным законом* — и — эксплуатации во всех ее формах; устранения всякого социального и политического неравенства”.

К “свободному” государству я вернусь дальше. Итак, германская рабочая партия должна впредь верить в “железный закон” Лассаля! Чтобы найти ему место в программе, допускают бессмыслицу, говоря об “устранении системы заработной платы (следовало бы сказать: системы наемного труда) *вместе с ее железным законом*”. Если я устраняю этот наемный труд, то, естественно, я устраняю и его законы, будь они “железные” или мягкие, как губка. Но борьба Лассаля против наемного труда вращается почти исключительно вокруг этого так называемого закона. Поэтому, чтобы доказать, что лассальянская секта победила, “система заработной платы” должна быть уничтожена “*вместе с ее железным законом*”, а не без него.

Как известно, в “железном законе заработной платы” Лассалю не принадлежит ничего, кроме слова “железный”, заимствованного им из гётевских “вечных, железных, великих законов”²⁾. Слово “железный” — это ярлычок, по которому узнают друг друга правверные. Но если я принимаю закон с его лассалевским штемпелем, а следовательно, и в лассалевском смысле, то я вынужден также принять и лассалевское обоснование его. Что же оно представляет собой? Как показал Ланге уже вскоре после смерти Лассаля, это — (проповедуемая самим Ланге) мальтусовская теория народонаселения¹¹. Но если эта теория правильна, то устранить “железный закон” я уж *никак не могу*, даже сто раз устранив наемный труд, потому что закон этот властвует тогда уже не только над системой наемного труда, но и над *всякой общественной системой*. Опираясь как раз на эту теорию, экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, *обусловленной самой природой*, а может лишь сделать ее *всеобщей*, равномерно распределив ее по всей поверхности общества!

Но все это еще не самое главное. *Совершенно независимо* от ложного понимания Лассалем этого закона, поистине возмутительный шаг назад заключается в следующем.

Со времени смерти Лассаля в *нашей* партии пробило себе дорогу научное понимание того, что *заработная плата* является не тем, чем она *кажется*, не *стоимостью* — или *ценой* — *труда*, а лишь замаскированной формой *стоимости* — или *цены* — *рабочей силы*. Этим самым раз навсегда опрокидывались как буржуазное понимание заработной платы, так и вся критика, направленная до тех пор против этого понимания, и ясно устанавливалось, что наемному рабочему разрешают работать для поддержания своего собственного существования, т. е. разрешают *жить* лишь постольку, поскольку он известное количество времени работает даром в пользу капиталиста (а следовательно, и его соучастников по пожиранию прибавочной стоимости); что той осью, вокруг которой вращается вся система капиталистического производства, является стремление увеличить этот даровой труд путем удлинения рабочего дня или путем поднятия производительности труда, соответственно — путем большего напряжения рабочей силы и т. д.; что, следовательно, система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего. И вот теперь, после того как это понимание все более и более прокладывает себе путь в нашей партии, возвращаются назад к догмам Лассаля, хотя теперь-то

должны были бы знать, что Лассаль *не понимал*, что такое заработная плата, и вслед за буржуазными экономистами принимал видимость за сущность дела.

Это равносильно тому, как если бы рабы, открыв, наконец, тайну своего рабства, подняли восстание, а один из них, весь еще во власти устаревших представлений, вписал бы в программу восстания: рабство должно быть уничтожено, потому что при системе рабства продовольствование рабов не может подняться выше определенного, весьма низкого максимума!

Один уже тот факт, что представители нашей партии способны были совершить такое чудовищное покушение на распространенное в партийных массах понимание,— не показывает ли одно это, с каким преступным легкомыслием, с какой бессовестностью приступили они к делу составления компромиссной программы!

Вместо неопределенной заключительной фразы в конце параграфа: “устранение всякого социального и политического неравенства”, следовало сказать, что с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство.

III

“Чтобы *проложить путь к разрешению социального вопроса*, германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с *государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа*. Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии *должны быть вызваны к жизни* в таком объеме, чтобы *из них возникла социалистическая организация совокупного труда*”.

Следом за лассалевским “железным законом заработной платы” — целительное средство того же пророка. “Путь пролагается” ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о “социальном *вопросе*”, к “*разрешению*” которого “пролагается путь”. Вместо процесса революционного преобразования общества “социалистическая организация совокупного труда” “возникает” из “государственной помощи”, оказываемой производительным товариществам, которые “*вызываются к жизни*” *государством*, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассалья, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!

Из-за остатка стыдливости “государственную помощь” ставят... под демократический контроль “трудящегося народа”.

Во-первых, “трудящийся народ” в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.

Во-вторых, слово “демократический” в переводе на немецкий язык означает “народовластный”. Что же это за “народовластный контроль трудящегося народа”? К тому же у такого трудящегося народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее!

Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше *в противовес* французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из “Atelier”¹². И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.

Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. Что же касается теперешних кооперативных товариществ, то они ценны *лишь* постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии.

IV

Перехожу теперь к демократическому разделу:

А. “Свободная основа государства”.

Прежде всего, согласно II разделу, германская рабочая партия добивается “свободного государства”.

Свободное государство — что это такое?

Сделать государство “свободным” — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи “государство” почти столь же “свободно”, как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают “свободу государства”.

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу,— обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как “*основу*” существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными “*духовными, нравственными, свободными*

основами”.

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе

словами: “*современное государство*” и “*современное общество*”, а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

“Современное общество” есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, “современное государство” меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. “Современное государство” есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о “современной государственности” в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово “народ” со словом “государство”, это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме всем известных демократических переполюсов: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и прочее. Это простой отголосок буржуазной Народной партии, Лиги мира и свободы. Все это сплошь требования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены*. Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и так далее. Подобного рода “государство будущего” есть *современное государство*, хотя и существующее вне “рамок” Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах “современного национального государства”, стало быть, своего государства, прусско-германской империи,— да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуют ведь только того, чего не имеют,— то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в *демократической республике*.

Раз уж не хватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-Наполеоне,— и разумно, ибо обстоятельства предписывают осторожность,— то незачем было прибегать и к этой уловке, которая не является ни “честной”, ни достойной,— требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного “законными средствами”!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием,— даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого.

Что под “государством” на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм, на это достаточно указывают уже слова: “Германская рабочая партия требует *в качестве экономической основы государства*: единого прогрессивного подоходного налога” и так далее. Налоги — это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого. В существующем в Швейцарии “государстве будущего” это требование почти выполнено. Подоходный налог предполагает различные источники доходов различных общественных классов,—предполагает, следовательно, капиталистическое общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ливерпульские поборники финансовой реформы — буржуа во главе с братом Гладстона — выставляют те же требования, что и рассматриваемая программа.

В. “В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и *равного для всех народного воспитания* через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения”.

Равное для всех народное воспитание? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нем и идет речь) воспитание для всех классов может быть *равным*? Или требуют, чтобы и высшие классы были принудительным образом низведены до скромного уровня воспитания — народной школы,— единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

“Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение”. Первое существует даже в Германии, второе — в Швейцарии и Соединенных Штатах в отношении народной школы. Если в некоторых штатах Северной Америки обучение в средних учебных заведениях также “бесплатно”, то фактически это означает только, что высшие классы покрывают расходы по своему воспитанию из общих налоговых средств. Заметим мимоходом, что то же самое относится к “бесплатному судопроизводству”, которого требует пункт 5 раздела А. Уголовная юстиция повсюду бесплатна. Гражданская же юстиция занята почти исключительно конфликтами из-за собственности, следовательно, касается почти исключительно имущих классов. Что же, предложить им вести свои процессы за счет народных средств?

Параграф, относящийся к школам, должен был бы по меньшей мере требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой. Никуда не годится “*народное воспитание через посредство государства*”. Определять общим законом расходы на народные школы,

квалификацию преподавательского персонала, учебные дисциплины и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона,— нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа! Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, что речь идет о “государстве будущего”,— мы видели, как в этом отношении обстоит дело), наоборот, государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа.

Но вся программа, несмотря на всю демократическую трескотню, насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, или, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму.

“Свобода науки” — так гласит один из параграфов прусской конституции. К чему он здесь?

“Свобода совести”! Если теперь, во время “культуркамп-фа”¹³, хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос. Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная “свобода совести” не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить “буржуазный” уровень.

Я подошел теперь к концу, так как следующее далее в программе добавление не является существенной ее частью. Ограничусь здесь поэтому лишь краткими замечаниями.

2. “Нормальный рабочий день”.

Ни в одной другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указы-вала точно, какую продолжительность рабочего дня при данных условиях считают нормальной.

3. “Ограничение женского и запрещение детского труда”.

Нормирование рабочего дня должно уже включать ограничение женского труда, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и прочее;

помимо того, оно может означать лишь запрещение женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевали именно это, то так и следовало сказать.

“Запрещение детского труда”! Здесь абсолютно необходимо было указать *предельный возраст*.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием.

Проведение этой меры,—если бы оно было возможно,— было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

4. “Государственный надзор за фабричной, ремесленной и домашней промышленностью”.

Имея в виду прусско-германское государство, следовало определенно требовать, чтобы фабричные инспектора *был-а* сменяемы не иначе, как по суду; чтобы всякий рабочий мог привлекать их к суду за нарушение служебных обязанностей; чтобы должность инспекторов занимали лишь лица с медицинским образованием.

5. “Регулирование труда заключенных”.

Мелочное требование в общей рабочей программе. Во всяком случае, следовало ясно сказать, что рабочие вовсе не хотят из опасения конкуренции, чтобы с уголовными преступниками обращались, как со скотом, и в особенности, чтобы их лишали единственного средства исправления — производительного труда. Уже это — минимум того, чего можно ожидать от социалистов.

6. “Действенный закон об ответственности”.

Следовало сказать, что подразумевается под “действенным” законом об ответственности.

Замечу, между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается санитарно-гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и прочее. Закон об ответственности вступает в действие лишь тогда, когда нарушаются эти предписания.

Словом, и это добавление отличается такой же неряшливой редакцией.

Dixi et salvavi animam meam ³⁾.

Написано И. Марксом в апреле — начале мая 1875 г

Печатается по тексту Сочинений. К. Маркса и Ф. Энгельса,

т. 19, стр. 9—32

Ф. ЭНГЕЛЬС ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ¹⁴

Лондон, 18—28 марта 1875 г. Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и радуюсь, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К сожалению, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал; поэтому и мы знаем не больше того, что есть в газетах, а в них ничего не писали, пока дней восемь тому назад не появился проект программы. Проект этот, конечно, поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или, по крайней мере, хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тёльке, что даже ребенок должен был бы отсюда сделать такой вывод: раз эти господа теперь сами приходят с предложением примирения, значит они находятся в дьявольски затруднительном положении. Но, имея в виду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей “государственной помощи” и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г.¹⁵ или же ее исправленное издание, приуроченное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в

теоретическом отношении, т. е. в том, что для программы имеет решающее значение; лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами,—следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее подчиненной переходной мерой наряду со многими другими возможными мерами. Проект программы доказывает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении во сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; “честных”⁴⁾ и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы Социал-демократическая рабочая партия годами идти рука об руку с ней, с Народной партией¹⁶⁾ Как мог бы “Volksstaat”¹⁷⁾ черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической “Frankfurter Zeitung”¹⁸⁾ И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой Народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований: 1—5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося буржуазно-демократическим¹⁹⁾.

Во-вторых, принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так хорошо. И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — и не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет,— а на будущее “международное братство народов”, на “Соединенные Штаты Европы” господ буржуа из Лиги мира²⁰⁾!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было по меньшей мере не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства существуют и без того, чтобы провозглашать себя или считать себя частью Интернационала; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разражающихся династических войн, во время таких войн — тактика, подобная той, которая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг., и тому подобное.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский “железный закон заработной платы”, основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассалья). Однако Маркс в “Капитале” подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железные, а, напротив, очень эластичные и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование закона, списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего), как оно, например, цитируется на стр. 5 “Книги для чтения рабочих” из другой брошюры Лассалья²¹⁾, подробно опровергнуто Марксом в отделе о “процессе накопления капитала”²²⁾. Приняв лассалевский “железный закон”, признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования²³, после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой “государственной помощи”! Большого унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гёгга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование *в противовес социалистам*, в целях борьбы с ними!

Но “государственная помощь” в лассалевском смысле есть в лучшем случае только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощными словами: “чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса”, — как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный* социальный *вопрос*/ Если, стало быть, сказать: “германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели”, — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

В-пятых, об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задуть даже самая жестокая реакция (как теперь в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо напомнить о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных, *чисто демократических требований*, из коих некоторые являются просто предметами моды, как например, “народное законодательство”, которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. “Управление через посредство народа” еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова. “*Народным государством*” анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем “Коммунистический манифест”²⁴ говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается [sich auflöst] и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова “*государство*” слово “община” [Gemeinwesen], прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому

слову “коммуна”.

“Устранение всякого социального и политического неравенства” — тоже весьма сомнительная фраза вместо “уничтожения всех классовых различий”. Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом “свободы, равенства и братства”, — представление, которое как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть

преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса. Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, написанной к тому же вялым и бесцветным языком, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласимся примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны будем очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской Социал-демократической рабочей партии делают ответственными *нас*. Так Бакунин в своем сочинении “Государственность и анархия” делает нас ответственными за всякое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания “Demokratisches Wochenblatt”²⁵. Люди воображают, что мы отсюда командуем всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но Вы сами поймете, что эта программа образует поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же *новая* программа всегда представляет собой открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким рассматриваемый проект является по сравнению с эйзенахской программой. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся пережевывать в своих выступлениях заученные наизусть фразы Лассалья о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы они и пошли на это, их освистали бы их слушатели. Между тем я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как ростовщик Шейлок на своем фунте мяса⁵. Произойдет раскол; но предварительно мы восстановим “честное” имя Гассельмана, Газенклевера, Тельке и компании; после раскола мы окажемся ослабленными, а лассальянцы — окрепшими;

наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять тогда, что они — самая подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, — то в доказательство они смогут указать на эту программу. Все социалистические мероприятия в этой последней принадлежат *им*, в то время как *наша* партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, однако, *она сама* в той же самой программе охарактеризовала как часть “реакционной массы”.

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Но вот только что пришло письмо от Бракке, у которого тоже возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хочет узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать про всю эту канитель сначала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму, а Либкнехту написал лишь вкратце. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам *ни слова* обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не стало уже, так сказать, слишком поздно. Правда, так поступал он издавна — и отсюда та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и мы *решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути*.

Постарайтесь устроить так, чтобы летом приехать сюда. Будете жить, конечно, у меня, и, если погода будет хорошая, мы могли бы на несколько дней поехать на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

Маркс недавно переменил квартиру. Его адрес: 41, Мейт-ленд-парк. Кресент, Норд-Уэст, Лондон.

Написано 18-28 марта 1875 г.

Печатается по тексту Сочинений

К.Маркса и Ф. Энгельса,

т.19, стр.1—8

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМО КАРЛУ КАУТСКОМУ В ШТУТГАРТ

Лондон, 23 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский!

Мое спешное поздравление, посланное тебе третьего дня, ты, вероятно, уже получил ⁶⁾. А теперь вернемся опять все к тому же, к письму Маркса ⁷⁾.

Опасение, что оно даст оружие в руки врагов, оказалось необоснованным. Злобные инсинуации можно, конечно, распространять по всякому поводу, но в общем и целом эта беспощадная самокритика произвела на противников совершенно ошеломляющее впечатление и вызвала у них определенное чувство: какой же внутренней силой должна обладать та партия, которая может сама себе преподносить подобные вещи! Это ясно видно из газет противников, присланных тобой (большое спасибо!) и полученных мною из других мест. Откровенно говоря, и я тоже думал об этом, когда собирался публиковать данный документ. Я знал, что он должен был в первый момент кое-кого затронуть весьма неприятно, но избежать этого было невозможно, а само содержание документа, по моему мнению, перевешивало это с избытком. Я знал также, что партия была более чем достаточно сильна, чтобы выдержать это, и рассчитывал на то, что и в настоящее время она *выдержит* также тот откровенный язык, каким это было высказано 15 лет тому назад; что можно будет с заслуженной гордостью сослаться на эту пробу сил и сказать: где найдется другая такая партия, которая бы осмелилась сделать что-либо подобное? Между тем сказать это предоставили саксонской и венской “Arbeiter-Zeitung” и “Zuricher Post” ²⁶⁾.

Если ты в № 21 “Neue Zeit” берешь на себя ответственность за публикацию ²⁷⁾, то это очень похвально с твоей стороны, но не забудь, что первый толчок дал все-таки я и что к тому же я до известной степени не оставил тебе выбора. Поэтому я беру главную ответственность на себя. Что касается частных мнений, то на этот счет всегда могут быть различные мнения. Я вычеркнул и изменил все, против чего ты и Диц возражали, и если бы Диц отметил еще больше мест, я и тут был бы по возможности сговорчив; мою сговорчивость я вам всегда доказывал на деле. Но что касается главного, то *моим дол-гом* было опубликовать эту рукопись, как только программа была поставлена на обсуждение. К тому же после доклада Либкнехта в Галле ²⁸⁾, в котором он частью бесцеремонно использует, как свою собственность, свои выписки из марк-совой критики, а частью полемизирует с ней, не называя самого документа, Маркс непременно противопоставил бы этой переработке свой оригинал, и я был обязан сделать это вместо него. К сожалению, у меня тогда еще не было в руках самого документа; я его нашел только гораздо позже, после долгих поисков.

Ты говоришь, что Бебель писал тебе о том, что обращение Маркса с Лассалем вызвало раздражение у старых лассальянцев. Очень может быть. Эти люди не знают ведь действительной истории, и, казалось бы, неплохо их в этом отношении просветить. Если этим людям неизвестно, что все величие

Лассалья основывалось на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя результатами марксовых научных исследований как своими собственными и вдобавок извращать их из-за своей недостаточной экономической подготовки, то это не моя вина. Но я являюсь литературным душеприказчиком Маркса, и это возлагает на меня определенные обязанности.

Вот уже 26 лет, как Лассаль принадлежит истории. Если в период исключительного закона²⁹ Лассалья не подвергали исторической критике, то теперь наступает, наконец, время, когда она должна вступить в свои права и выяснить действительное положение Лассалья по отношению к Марксу. Ведь не может же стать символом веры партии легенда, прикрывающая истинный образ Лассалья и превозносящая его до небес. Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассалья перед движением, его историческая роль в нем остается двойственной. За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-демагог. Сквозь Лассалья-агитатора и организатора всюду проглядывает адвокат, ведущий гацфельдтовский процесс³⁰: тот же цинизм в выборе средств, то же стремление окружать себя сомнительными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон. Будучи до 1862 г. на практике специфически прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями (я только что просмотрел его письма к Марксу), он по причинам чисто личного характера внезапно переменяет фронт и начал свою агитацию. И не прошло двух лет, как он уже начал требовать, чтобы рабочие стали на сторону королевской власти против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был вовремя застрелен. В его агитационных брошюрах то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, ошибочными рассуждениями, что почти нет возможности отделить одно от другого. Та часть рабочих, которая чувствует себя задетой оценкой Маркса, знает Лассалья только по двум годам его агитации, да и на нее смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе. Моим долгом было раз навсегда вскрыть, наконец, подлинное отношение между Марксом и Лассалем. Это теперь сделано, и этим я могу пока удовольствоваться. К тому же сам я занят сейчас другими делами. А опубликованное беспощадное суждение Маркса о Лассале уже само по себе произведет нужное действие и придаст мужества другим. Но если бы обстоятельства заставили меня выступить, то у меня не осталось бы выбора: я должен был бы раз навсегда покончить с легендой о Лассале.

Поистине великолепно, что внутри фракции раздался голос с требованием установить цензуру над "Neue Zeit". Что это — призрак диктатуры фракции времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и превосходно проводилась) или это воспоминания о былой строгой организации фон Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль — после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который сами социал-демократические партийные органы должны сфабриковать и проводить в жизнь. Впрочем, сама природа позаботилась о том, чтобы деревья не росли до небес⁸⁾.

Статья в "Vorwarts" меня мало трогает³¹. Я выжду, пока Либкнехт расскажет всю историю по-своему, и тогда, пожалуй, отвечу сразу и на то и на другое, по возможности в дружественном тоне. В статье в "Vorwarts" придется только исправить некоторые неправильные утверждения (например, что мы будто бы не желали объединения, что события якобы доказали неправоту Маркса и т. д.) и подтвердить то, что само собой разумеется. Этим ответом я, со своей стороны, думаю закончить дискуссию, если только новые нападки или неправильные утверждения не вынудят меня к дальнейшим шагам.

Скажи Дицу, что я занят подготовкой "Происхождения"⁹⁾. Но вот сегодня пришло письмо от Фишера, который тоже хочет получить от меня три новых предисловия³²⁾!

Твой Ф. Э.

Впервые опубликовано Печатается по тексту Сочинений на русском языке в журнале К. Маркса и Ф. Энгельса, "Большевик" № 22, 1931 г. т.38, стр. 30-33

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа К. Маркса *“Критика Готской программы”*, представляющая собой важнейший вклад в развитие коренных вопросов теории научного коммунизма и образец непримиримой борьбы против оппортунизма, была написана в апреле — начале мая 1875 г. и отправлена руководству эйзенахской партии (в адрес В. Бракке) 5 мая 1875 года. В работе содержался критический разбор проекта программы будущей объединенной социал-демократической партии, подготовленный к объединительному съезду в Готе.

Впервые *“Критика Готской программы”* была опубликована в 1891 г. Энгельсом, вопреки сопротивлению оппортунистического руководства германской социал-демократии. Работа была напечатана в теоретическом органе германской социал-демократии, в журнале *“Die Neue Zeit”* (*“Новое время”*), т. 1, № 18, 1891 г. с предисловием Энгельса.

Публикуя *“Критику Готской программы”*, Энгельс вместе с ней напечатал и письмо Маркса В. Бракке от 5 мая 1875 г., непосредственно связанное с ней.

Как известно из письма Энгельса К. Каутскому от 23 февраля 1891 г., Энгельсу пришлось при опубликовании *“Критики Готской программы”* согласиться на смягчение некоторых наиболее резких мест. В настоящем издании документ печатается в точном соответствии с рукописью Маркса.

² Данное предисловие Энгельс написал в связи с публикацией им работы К. Маркса *“Критика Готской программы”* (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 9—32). Предпринимая публикацию этого важнейшего программного документа научного коммунизма, являвшегося в то время образцом непримиримой борьбы против оппортунизма, Энгельс стремился нанести удар активизировавшимся оппортунистическим элементам в германской социал-демократии, что было особенно важно в момент, когда партии предстояло обсудить и принять на Эрфуртском съезде новую программу взамен Готской. При опубликовании *“Критики Готской программы”* Энгельсу пришлось преодолеть известное противодействие со стороны руководителей германской социал-демократии. Сделанные им при этом небольшие купюры и замена наиболее резких выражений другими формулировками были в значительной степени вызваны позицией издателя журнала *“Neue Zeit”* Дица и редактора К. Каутского. После публикации работы она была неодобрительно встречена социал-демократической фракцией германского рейхстага и редакцией газеты *“Vorwärts”*. В то же время, как и предвидел Энгельс, работа Маркса с удовлетворением была принята как в самой германской партии, так и социалистами других стран, которые рассматривали ее как программный документ для всего международного социалистического

движения.

При жизни Энгельса *“Критика Готской программы”* и его предисловие к ней не переиздавались. Полный текст *“Критики Готской программы”* впервые был опубликован в 1932 г. в СССР в переводе с копии, сделанной Л. Каутской. В т. 19 Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса работа впервые опубликована по полученной Институтом марксизма-ленинизма рукописи самого Маркса. — 3.

³ На съезде в Готе 22—27 мая 1875 г. произошло объединение обоих направлений в германском рабочем движении—Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), возглавляемой А. Бебелем и В. Либкнехтом, и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Объединенная партия приняла название Социалистической рабочей партии Германии. Этим был преодолен раскол в рядах германского рабочего класса. Однако предложенный Готскому съезду проект программы объединенной партии (главным составителем его был В. Либкнехт, занявший в этом вопросе соглашательскую позицию) содержал серьезные ошибки и принципиальные уступки лассальянству. Маркс и Энгельс, одобряя факт создания единой социалистической партии Германии, выступили против идейного компромисса с лассальянцами, подвергли резкой критике ошибочные положения проекта программы, который, однако, был принят съездом лишь с незначительными исправлениями.

⁴ Съезд германской социал-демократии в Галле 12—18 октября 1890 г. был первым съездом после отмены исключительного закона против социалистов. По предложению В. Либкнехта, съезд принял решение о подготовке к следующему партийному съезду в Эрфурте проекта новой программы и

опубликовании его за три месяца до съезда с целью обсуждения в местных партийных организациях и печати.

⁵ Гаагский конгресс Международного Товарищества Рабочих состоялся 2—7 сентября 1872 года. Конгресс по своему составу был самым представительным по сравнению с предыдущими конгрессами. На нем присутствовало 65 делегатов от 15 национальных организаций. Работой конгресса лично руководили Маркс и Энгельс. На конгрессе получила свое завершение многолетняя борьба Маркса и Энгельса и их соратников против всех видов мелкобуржуазного сектантства в рабочем движении. Раскольническая деятельность анархистов была осуждена и их лидеры исключены из Интернационала. Решения Гаагского конгресса заложили фундамент для создания в будущем самостоятельных политических партий рабочего класса в различных странах.

⁶ Имеется в виду авторизованный французский перевод первого тома “Капитала”, вышедший выпусками в 1872—1875 гг. в Париже.

⁷ Речь идет о втором издании работы Маркса “Разоблачения о кельнском процессе коммунистов” (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8 стр. 423—491), вышедшем в Лейпциге в 1875 г. в издательстве Социал-демократической рабочей партии, при редакции центрального органа партии “*Volksstaat*”.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 434.

⁹ Маратом Маркс здесь иронически называет, по-видимому, Гас-сельмана, главного редактора “*Neuer Social-Demokrat*”.

“*Neuner Social-Demokrat*” (“Новый Социал-демократ”)—немецкая газета, выходила в Берлине с 1871 по 1876 г. три раза в неделю; орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза; направление газеты полностью отражало проводимую лассальянцами политику приспособления к бисмарковскому режиму и заигрывания с господствующими классами Германии, оппортунизм и национализм лассальянских лидеров. Выступая с сектантских позиций, газета вела систематическую борьбу против марксистского руководства Интернационала и против немецкой Социал-демократической рабочей партии, поддерживала враждебную Генеральному Совету деятельность бакунистов и представителей других антипролетарских течений.

¹⁰ Маркс имеет в виду передовую статью, с которой газета “*Nord-deutsche Allgemeine Zeitung*” выступила 20 марта 1875 г. по поводу проекта программы социал-демократической партии Германии; в статье между прочим отмечалось, что “социал-демократическая агитация стала в некотором отношении осторожнее: она отрывается от Интернационала”.

“*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*” (“Северогерманская всеобщая газета”) — ежедневная реакционная газета; в 60—80-х годах — официальный орган правительства Бисмарка; выходила в Берлине с 1861 по 1918 год.

¹¹ Речь идет о высказываниях Ф. А. Ланге в его книге: “*Die Arbeiterfrage in ihrer Bedeutung für Gegenwart und Zukunft*”. Duisburg, 1865, S. 144—161, 180 (“Рабочий вопрос и его значение для современности и будущего”. Дуйсбург, 1865, стр. 144—161, 180).

¹² “*L'Atelier*” (“Мастерская”)—ежемесячный французский журнал, орган ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием идей христианского социализма; издавался в Париже с 1840 по 1850 год; в состав редакции входили переизбираемые каждые три месяца представители рабочих.

¹³ “*Kulturkampf*” (“борьба за культуру”)—название, данное буржуазными либералами системе законодательных мероприятий правительства Бисмарка в 70-х годах XIX века, проведенных под флагом борьбы за светскую культуру и направленных против католической церкви и партии “центра”, которая поддерживала сепаратистские и антипруссские тенденции чиновничества, помещиков и буржуазии мелких и средних государств Юго-Западной Германии. В 80-х годах, в целях сплочения реакционных сил, Бисмарк отменил большую часть этих мероприятий.

¹⁴ Письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г., тесно примыкающее по своему содержанию к написанной К. Марксом “Критике Готской программы”, выражало общее мнение Маркса и Энгельса относительно намечавшегося в начале 1875 г. объединения двух немецких рабочих партий—

Эйзенахцев и Лассальянцев. Непосредственным поводом к написанию письма было появление 7 марта 1875 г. в газетах “Der Volksstaat” и “Neuer Social-Demokrat” проекта программы будущей объединенной социал-демократической рабочей партии Германии. Этот проект, содержащий целый ряд ложных антинаучных положений и уступок Лассальянству, был принят лишь с небольшими изменениями на объединительном съезде в Готе в мае 1875 г. и в дальнейшем был известен под названием Готской программы.

Маркс и Энгельс, относясь положительно к объединению обеих рабочих партий, считали, однако, что объединение должно быть достигнуто на принципиально здоровой основе, без уступок в теоретических и политических вопросах Лассальянцам, терявшим свое влияние в рабочих массах. В письме к Бебелю, предназначавшемся для руководства Эйзенахцев, являвшихся сторонниками марксизма, Энгельс подвергает критике проект Готской программы и предупреждает Эйзенахцев против уступок Лассальянцам. Письмо было впервые опубликовано только 36 лет спустя в книге Бебеля “Aus meinem Leben”, Teil 2, Stuttgart, 1911 (“Из моей жизни”, ч. 2, Штутгарт, 1911).

¹⁵ Имеется в виду программа, принятая на общенемецком съезде социал-демократов Германии, Австрии и Швейцарии 7—9 августа 1869 г. в Эйзенахе. На съезде была учреждена немецкая Социал-демократическая рабочая партия, известная в дальнейшем как партия Эйзенахцев. Эйзенахская программа в целом была выдержана в духе требований Интернационала.

¹⁶ *Немецкая народная партия*, возникшая в 1865 г., состояла из демократических элементов мелкой буржуазии и отчасти буржуазии, главным образом, южногерманских государств. Немецкая народная партия выступала против установления гегемонии Пруссии в Германии. Проводя антипрусскую политику и выдвигая общедемократические лозунги, эта партия в то же время отражала партикуляристские стремления некоторых германских государств. Пропагандируя идею федеративного германского государства, она выступала против объединения Германии в форме единой централизованной демократической республики.

В 1866 г. к Немецкой народной партии примкнула Саксонская народная партия, основное ядро которой составляли рабочие. Это левое крыло, разделявшее стремление Народной партии решить вопрос о национальном объединении страны демократическим путем, развивалось в дальнейшем в социалистическом направлении; отделившись от мелкобуржуазных демократов, оно приняло участие в образовании в августе 1869 г. немецкой Социал-демократической рабочей партии.

¹⁷ “*Der Volksstaat*” (“Народное государство”) — центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (Эйзенахцев), и давался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. два раза в неделю, с июля 1873 г. — три раза. Газета, выражавшая взгляды представителей революционного течения в рабочем движении Германия, подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете играл А. Бебель, заведовавший издательством “*Volksstaat*”. Маркс и Энгельс являлись сотрудниками газеты с момента ее основания, постоянно оказывали помощь ее редакции и систематически выправляли линию газеты.

¹⁸ “*Frankfurter Zeitung*” — сокращенное название газеты “*Frankfurter Zeitung und Handelsblatt*” (“Франкфуртская газета и торговый

листок”) - ежедневной газеты мелкобуржуазного демократического направления; выходила во Франкфурте-на-Майне с 1856 (под данным названием с 1866) по 1943 год.

¹⁹ Речь идет о следующих пунктах проекта Готской программы:

“В качестве свободной основы государства, германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин, начиная с 21 года, на всех выборах в государстве и общине.
2. Прямого народного законодательства с правом вносить и отвергать предложения.
3. Всеобщего военного обучения. Народного ополчения взамен постоянного войска. Предоставления решения вопроса о войне и мире народному представительству.
4. Отмены всех исключительных законов, в особенности законов о печати, союзах и собраниях.
5. Народного суда. Бесплатного судопроизводства.

В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и равного для всех народного воспитания через посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения. 2. Свободы науки. Свободы совести”.

²⁰ *Лига мира и свободы* — буржуазно-пацифистская организация, созданная в 1867 г. в Швейцарии мелкобуржуазными республиканцами и либералами (при активном участии В. Гюго, Дж. Гарibaldi и др.); в 1867—1868 гг. в работе Лиги принимал участие М. Бакунин. В начале своей деятельности Лига пыталась использовать в своих целях рабочее движение. Заявлениями о возможности покончить с войной путем создания “Соединенных Штатов Европы” Лига мира и свободы сеяла в массах ложные иллюзии и отвлекала пролетариат от классовой борьбы.

²¹ F. Lassalle. “Arbeiterlesebuch”, Frankfurt am Main, 1863, S. 5. На этой странице Лассаль приводит цитату о “железном экономическом законе”) заработной платы, сформулированном им в брошюре:

“Offnes Antwortschreiben an das Central-Comite zur Berufung eines Allgemeinen Deutschen Arbeitercongresses zu Leipzig”. Zurich, 1863, S. 15—16 (“Гласный ответ Центральному комитету к съезду Всеобщего германского рабочего съезда в Лейпциге”. Цюрих, 1863, стр. 15—16).

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 23, стр. 576—784.

²³ Энгельс имеет в виду брошюру В. Бракке: “Der Lassallesche Vorschlag”. Braunschweig, 1873 (“Предложение Лассаля”. Брауншвейг, 1873).

²⁴ Имеются в виду “Нищета философии” и “Манифест Коммунистической партии” (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 65—185, 419-459).

²⁵ Энгельс имеет в виду высказывания Бакунина в его книге:

“Государственность и анархия”. Введение. Ч. I, издана в Швейцарии в 1873 году. Несостоятельность обвинений, выдвигавшихся Бакуниным, вскрыта Марксом в его конспекте книги Бакунина (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18).

“*Demokratisches Wochenblatt*” (“Демократический еженедельник”) — немецкая рабочая газета; под этим названием издавалась с января 1868 по сентябрь 1869 г. в Лейпциге под редакцией В. Либкнехта. С декабря 1868 г. газета стала органом Союза немецких рабочих обществ, руководимого А. Бебелем. Первоначально газета находилась под известным влиянием мелкобуржуазных идей Народной партии, но вскоре благодаря усилиям Маркса и Энгельса газета начала вести борьбу с лассальянством, пропагандировать идеи Интернационала, печатая его важнейшие документы, и сыграла значительную роль в создании немецкой Социал-демократической рабочей партии. На Эйзенахском съезде в 1869 г. газета была объявлена центральным органом Социал-демократической рабочей партии и переименована в “*Volksstaat*” (см. примечание 17).

²⁶ Энгельс перечисляет социал-демократические газеты, в которых были помещены корреспонденции, одобрявшие в основном публикацию работы Маркса “Критика Готской программы”.

В корреспонденции из Берлина, напечатанной в венской “*Arbeiter-Zeitung*” № 6, 6 февраля 1891 г., сообщалось, что в Германии Энгельсом опубликован документ огромного теоретического и практического значения — “Критика” Маркса принятой на Готском съезде в 1875 г. программы германской партии. Автор корреспонденции отметил заслугу Энгельса, что он “опубликовал ее именно теперь, когда настало время с полной ясностью и без всяких компромиссов сформулировать теоретические основы нашей партии”.

“*Sachsische Arbeiter-Zeitung*”, перепечатав работу Маркса в №№ 30, 31, 33 и 35; 6, 7, 10 и 12 февраля 1891 г., предпослала ей редакционное примечание, отметив в нем особое значение этого программного письма для германской социал-демократии.

В “*Zuricher Post*” № 34, 10 февраля 1891 г. была напечатана передовая статья “*Hangen uud Würgen*” (“Мучительные усилия”), в которой подчеркивалось, что опубликование работы Маркса

свидетельствует о силе и боеспособности германской социал-демократии, стремящейся с присущей ей объективностью и самокритикой уяснить цели своей борьбы. Автором статьи был Франц Меринг.

²⁷ Перепечатав в “*Neue Zeit*” (Bd. I, № 21, 1890—1891 гг.) передовую статью из газеты “*Vorwärts*” № 37, 13 февраля 1891 г. (см. примечание 31), редакция журнала, кроме вводных слов, дала следующее примечание: “Мы не считали себя обязанными выносить письмо Маркса на обсуждение социал-демократической фракции. Ответственность за его публикацию несем только мы”.

²⁸ Имеется в виду доклад В. Либкнехта о программе германской социал-демократии, с которым он выступал на съезде партии, состоявшемся в Галле 12—18 октября 1890 года. При анализе Готской программы Либкнехт использовал некоторые положения из известной ему рукописи Маркса об этой программе, не упоминая при этом имени автора.

По предложению Либкнехта съезд принял решение о подготовке к следующему партийному съезду в Эрфурте проекта новой программы и публикации его за три месяца до съезда с целью обсуждения в местных партийных организациях и печати.

²⁹ Имеется в виду попытка со стороны руководителей германской социал-демократии задержать тираж № 18 журнала “*Neue Zeit*”, в котором была напечатана работа Маркса “Критика Готской программы” (см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 21 и 77).

Закон против социалистов, поставивший социал-демократическую партию в нелегальное положение, был введен правительством Бисмарка при поддержке большинства рейхстага 21 октября 1878 г. в целях борьбы против социалистического и рабочего движения. Действие закона продлевалось каждые 2—3 года. Под давлением массового рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен 1 октября 1890 года. — 35.

³⁰ Имеется в виду бракоразводный процесс графини Софьи Гац-фельдт, который Лассаль вел в 1846—1856 годах. Чрезмерно преувеличивая значение этого судебного процесса в защиту члена старинной аристократической фамилии, Лассаль приравнивал его к борьбе за дело угнетенных. — 35.

³¹ Имеется в виду передовая статья “*Der Marx'sche Programm-Brief*” (“Письмо Маркса о программе”), опубликованная в “*Vorwärts*” № 37, 13 февраля 1891 года. В ней социал-демократическая фракция рейхстага выражала несогласие с оценками Готской программы и роли Лассаля, данными в работе Маркса.

³² В своем письме от 20 февраля 1891 г. Р. Фишер писал Энгельсу о решении Правления партии переиздать работы Маркса “Гражданская война во Франции”, “Наемный труд и капитал” и работу Энгельса “Развитие социализма от утопии к науке” и просил написать соответствующие предисловия. .

СНОСКИ В ТЕКСТЕ

- 1) — буквально; после праздника, т. е. с опозданием. *Ред.*
- 2) Из стихотворения-Гёте “Божественное”. *Ред.*
- 3) - Я сказал и спас свою душу. *Ред.*
- 4) — “честными” называли эйзенахцев. *Ред.*
- 5) Шекспир. “Венецианский купец”, акт I, сцена третья. *Ред.*
- 6) См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 29. *Ред.*
- 7) К. Маркс. “Критика Готской программы”. *Ред.*

8) В оригинале немецкая поговорка (Es ist dafür gesorgt, dass die Baume nicht in den Himmel wachsen), близкая по смыслу русским пословицам; “руки коротки”, “выше головы не прыгнешь”. *Ред.*

9) - четвертого немецкого издания работы Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. *Ред.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ауэр (Auer), Игнац (1846—1907) — немецкий социал-демократ, по профессии седельщик; один из руководителей социал-демократической партии, неоднократно избирался депутатом рейхстага; позднее перешел на позиции реформизма.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; один из идеологов народничества и анархизма; в I Интернационале выступал как ярый враг марксизма, на Гаагском конгрессе в 1872 г. исключен из I Интернационала за раскольническую деятельность.

Бebel (Bebel), Август (1840—1913) — выдающийся деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии токарь; с 1867 г. руководил Союзом немецких рабочих обществ, член I Интернационала; с 1867 г. депутат рейхстага, один из основателей и вождей германской социал-демократии, вел борьбу против лассальянства, во время франко-прусской войны стоял на позициях пролетарского интернационализма, выступал в поддержку Парижской Коммуны; делегат международных социалистических рабочих конгрессов 1889, 1891 и 1893 годов; друг и соратник Маркса и Энгельса; деятель II Интернационала, в 90-е годы и в начале XX в. выступал против реформизма и ревизионизма, допустив, однако, особенно в последний период своей деятельности, ряд ошибок центристского характера.

Беккер (Becker), Бернхард (1826—1882) — немецкий публицист и историк, лассальянец, позднее примкнул к эйзенахцам; делегат Гаагского конгресса Интернационала (1872).

Бисмарк (Bismarck), Отто, князь (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, представитель прусского юнкерства; посол в Петербурге (1859—1862) и в Париже (1862), министр-президент Пруссии (1862—1871), канцлер Германской империи (1871--1890); осуществил объединение Германии контрреволюционным путем; ярый враг рабочего движения, автор исключительного закона против социалистов (1878).

Бракке (Bracke), Вильгельм (1842-1880) - немецкий социал-демократ, издатель социалистической литературы в Брауншвейге, один из основателей (1869) и руководителей Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), был близок к Марксу и Энгельсу; вел борьбу с лассальянством, выступал, хотя и не достаточно последовательно, против оппортунистических элементов в социал-демократической партии.

Бюше (Buche), Филипп (1796—1865)—французский политический деятель и историк, буржуазный республиканец, один из идеологов христианского социализма.

Газенклевер (Hasenclever), Вильгельм (1837—1889) — немецкий социал-демократ, оппортунист, в 1871—1875 гг. президент лассальянского Всеобщего германского рабочего союза.

Гассельман (Hasselmann), Вильгельм (род. в 1844 г.)—один из руководителей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, в 1871—1875 гг. редактор газеты “Neuer Social-Demokrat”; в 1880 г. исключен из германской социал-демократической партии как анархист.

Гацфельдт (Hatzfeldt), Софья, графиня (1805—1881) -- друг и сторонница Лассаля.

Гёгг (Goegg), Амандус (1820—1897) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в 1849 г. член баденского временного правительства; после поражения революция эмигрировал из Германии; в 70-х годах примкнул к германской социал-демократии.

Гейб (Geib), Август (1842—1879) ~ немецкий социал-демократ, книготорговец в Гамбурге; член Всеобщего германского рабочего союза; участник Эйзенахского съезда 1869 г, и один из основателей Социал-демократической рабочей партии, казначей партии (1872— 1878), член рейхстага (1874—1877).

Гёте (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749—1832) — великий немецкий писатель и мыслитель.

Гладстон (Gladstone), Роберт (1811—1872) — английский коммерсант, буржуазный филантроп, двоюродный брат Уильяма Глад-стона.

Диц (Dietz), Иоганн Генрих Вильгельм (1843—1922)—немецкий социал-демократ, основатель социал-демократического издательства, с 1881 г. депутат рейхстага.

Каутский (Kautsky), Карл (1854—1938) — немецкий социал-демократ, публицист, редактор журнала “Neue Zeit” (1883—1917), в 80-х годах примкнул к марксизму, написал ряд работ по вопросам марксистской теории, которые, несмотря на допущенные в них ошибки, сыграли положительную роль в пропаганде марксизма; впоследствии целиком перешел на позиции оппортунизма и стал идеологом центризма в германской социал-демократии и II Интернационале; после Великой Октябрьской социалистической революции открыто выступал против диктатуры пролетариата и Советской власти.

Ланге (Lange), Фридрих Альберт (1828—1875) — немецкий буржуазный философ, неокантианец, враг материализма и социализма.

Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный публицист, адвокат, в 1848—1849 гг. участвовал в демократическом движении Рейнской провинции; в начале 60-х годов примкнул к рабочему движению и явился одним из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863); поддерживал политику объединения Германии “сверху” — под гегемонией контрреволюционной Пруссии; положил начало оппортунистическому направлению в германском рабочем движении.

Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения; участник революции 1848—1849 гг., член Союза коммунистов; член I Интернационала, вел борьбу против лассальянства за принципы Интернационала в немецком рабочем движении; с 1867 г. депутат рейхстага; один из основателей и вождей германской социал-демократии, редактор газет “Volksstaat” (1869—1876) и “Vorwärts” (1876—1878 и 1890—1900); во время франко-прусской войны стоял на позициях пролетарского интернационализма, выступал в поддержку Парижской Коммуны; в некоторых вопросах занимал примиренческую позицию по отношению к оппортунизму; делегат международных социалистических рабочих конгрессов 1889, 1891 и 1893 годов; друг и соратник Маркса и Энгельса.

Луи-Филипп (1773—1850)—герцог Орлеанский, французский король (1830—1848).

Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766—1834) —английский священник, экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения.

Маркс (Marx), Карл (1818—1883) (биографические данные).

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870).

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) —французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма.

Рамм (Ramm), Герман — немецкий социал-демократ, в 1875 г. член редакции газеты “Volksstaat”.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772—1823)—английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.

Тёлке (Tolcke), Карл Вильгельм (1817—1893)—немецкий социал-демократ, один из руководителей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза.

Фишер (Fischer), Рихард (1855—1926)—немецкий социал-демократ, журналист, по профессии рабочий-наборщик; секретарь Правления партии (1890—1893).

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564—1616)—великий английский писатель.

Швейцер (Schweitzer), Иоганн Баптист (1833—1875) — один из видных представителей лассальянства в Германии, в 1864—1867 гг. редактор газеты “Social-Demokrat”, президент Всеобщего германского рабочего союза (1867—1871); поддерживал проводимую Бисмарком политику объединения Германии “сверху” под гегемонией Пруссии;

препятствовал присоединению немецких рабочих к I Интернационалу; вел борьбу против Социал-демократической рабочей партии; в 1872 г. исключен из Союза в результате разоблачения его связей с прусскими властями.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820—1895) (биографические дан-ные).